

DOI: 10.15372/HSS20170106
УДК 94 (571=512.122)"1880"

Е.Б. СЫДЫКОВ, З.Е. КАБУЛЬДИНОВ

ВЫДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ ДЛЯ КОЧЕВАНИЯ КАЗАХОВ ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1880 г.)

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, г. Астана, ул. К. Сатпаева, 2

В статье рассматриваются проблемы, связанные с выделением царским правительством Кулундинской степи для кочевания казахов Тобольской и Томской губерний. Показано, что пребывание казахов на этой территории регламентировалось целым рядом бюрократических предписаний, за нарушение которых они могли быть подвергнуты немедленной высылке. Правовая незащищенность казахов выражалась и в том, что их могли выселить и в случае принятия горным правлением одностороннего решения, продиктованного ведомственными и государственными интересами. Статья подготовлена на основе архивных материалов, опубликованных источников и научной литературы.

Ключевые слова: степь, казахи, кочевники, подать, крестьяне, налоги, казаки, управление, христианизация, армия, генерал-губернатор.

E.B. SYDYKOV, Z.E. KABULDINOV

ALLOCATING THE KULUNDA STEPPE FOR THE NOMADIC KAZAKHS OF TOBOLSK AND TOMSK PROVINCES BY THE RUSSIAN EMPIRE (1880)

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, K. Satpaev str., Astana, 010008, Kazakhstan

In 1854, the tsarist government created a unique administrative unit called “Semipalatinsk inner district” within the new Semipalatinsk region. It was proposed to gather all the loyal Kazakhs wandering in the Tomsk and Tobolsk provinces. In 1870, 779 Kazakh farms openly expressed their consent to pay the three-ruble tax for plants. The Ministry of Finance conceded to the Cabinet half of the nomad tax set on October, 21, 1868 by “Regulations on the governance of steppe areas”. After long bureaucratic negotiations in 1880 “Rules for permission of Kyrgyz migrations on the lands of the Altai Mining District” were approved.

According to the Rules Kazakhs were only allowed migrating on the lands of the Kulunda Steppe in Tomsk area. Thus, an attempt was made to gather all the Kazakhs wandering in the vast territory of the Altai Mining District, Tomsk and Tobolsk provinces in a specially allotted area. Kulunda Kazakhs, as well as the local farmers, had to pay 6 rubles (4.5 – to the Cabinet, and 1.5 – to the state). Local Kazakhs had no right to donate their lands for rent to third parties. Kazakhs, who wished to go transfer the peasant class, were allowed to pay cash rents in the amount of 6 rubles. Kulunda Kazakhs undertook to pay extra taxes for using wood. Kazakh residence at the Kulunda Steppe territory was recognized as temporal one and the Cabinet could evict them with its decision.

In 1880 Kulunda Kazakhs, as well as loyal or “stanitsa” Kazakhs in the end of XVIII – early XIX centuries, were left without their governance in Tomsk province. But an attempt to gather all the Kazakhs of Tobolsk and Tomsk province in the Kulunda Steppe failed.

Key words: steppe, Kazakhs, nomads, peasants, taxes, Cossack, governance, Christianization, army, Governor-General.

В 1740 г. приграничная часть казахов Среднего жуза приняла российское подданство. Но через возведенные царским правительством пограничные линии (Староишимская, Иртышская) доступ казахов на «вну-

треннюю сторону» был категорически запрещен. Более того, в 1765 г. по указанию генерала Шпрингера казахам было запрещено даже приближаться к Иртышу на расстояние не менее 10 верст, что сильно ударило по

Ерлан Батташевич Сыдыков – д-р ист. наук, профессор, ректор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: rector@enu.kz.

Зиябек Ермуханаевич Кабульдинов – д-р ист. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, email: Kabulzia@rambler.ru.

Erlan B. Sydykov – doctor of historical sciences, professor, rector, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Ziyabek E. Kabuldinov – doctor of historical sciences, professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University.

скотоводческому хозяйству прииртышских степняков. И лишь в 1788 и 1798 гг. части кочевников было все же разрешено переселиться на правобережье Иртыша – на так называемую «вечную кочевку». С этого времени правобережные казахи не имели своего управления. В 1854 г. царское правительство создало уникальную административно-территориальную единицу под названием «Семипалатинский внутренний округ» в составе новой Семипалатинской области, куда предполагалось собрать всех «верноподданных» или «станичных казахов», кочевавших на территории Томской и Тобольской губерний с момента официального допуска левобережных степняков на так называемую «вечную кочевку». Но эта мера проблему нехватки земель у внутренних казахов все же не решила¹.

Некоторые кочевые и полукочевые группы казахов Среднего жуза продолжали пребывать на привычных для них землях Томской и Тобольской губерний, в первую очередь на землях, принадлежавших Кабинету.

Военная администрация Семипалатинской и Акмолинской областей особого рвения к возвращению подведомственных им казахов не обнаруживала². Но кабинетские власти и крестьянские общества продолжали требовать высылки казахов с земель, подведомственных Алтайскому горному округу. Постоянные жалобы местного крестьянского населения на грабежи и бесчинства «незаконно прикочевавших» казахов побудили Кабинет в течение 1850–1880-х гг. настаивать, как и раньше, на выселении всех степняков из пределов Алтайского горного округа, но не всегда удачно. К примеру, одно из массовых выселений казахов с кабинетских земель состоялось в 1852 г. (1600 кибиток). Затем в 1854 г. «высочайшим повелением» переход казахов на земли крестьянских обществ был строжайше запрещен. А кочевание было разрешено, как и раньше, только на землях линейного казачьего войска, за которую они платили арендную плату³.

В условиях непрерывного возвращения казахов в районы своих традиционных кочевий на земли Томской и Тобольской губерний, при неэффективной помощи со стороны областной и казачьей администрации, министр внутренних дел идет на беспрецедентный шаг: в августе 1866 г. он признал необходимым разрешить Алтайскому горному правлению удалять казахов собственными силами. Но горные власти это предложение не поддержали ввиду нехватки у них чиновников, которых можно было бы задействовать для этой операции⁴.

Бессилие различных ведомств по выселению казахов все же не помешало в январе 1867 г. генерал-губернатору Западной Сибири известить министра двора о том, что «выселение киргизов Семипалатинского округа с земель Алтайского горного ведомства

осуществлено»⁵. В виде исключения были оставлены только казахи, которые с 1858 г. находились в Кулундинской степи на условиях аренды с разрешения самого Алтайского горного правления, хотя и сюда стали прибывать крестьяне, некогда приписанные к горнозаводскому ведомству.

Следует отметить, что разрешение некоторым группам казахов кочевать на землях горного ведомства свидетельствовало о непоследовательной политике самих кабинетских властей. Это обстоятельство стало, на наш взгляд, одной из главных причин неудачных массовых выселений номадов: те из них, которые оказались «выселенными» за пределы внутренних губерний, видя, что кто-то из их соплеменников остается на горных землях, считали себя ущемленными по сравнению с их сородичами, которым почему-то разрешалось оставаться на «внутренней стороне». Между оставленными казахами и крестьянами вновь образованных деревень началась череда распрей: каждая из сторон обвиняла своих соседей в незаконных действиях. Как правило, крестьяне обвиняли казахов в конокрадстве или потравах посевов и пастбищ, а те крестьян – в насильственных действиях.

В этих условиях в 1865 г. Алтайская межевая экспедиция начала топографическую съемку местности и отвод земель исключительно для крестьян деревень Северной, Неводной, Николаевской и Ключевской⁶. Этот случай свидетельствовал о колониальном характере политики кабинетских властей: они отдавали предпочтение крестьянскому населению, появившемуся в этих местах примерно семь лет назад, тогда как казахское население прикочевало сюда не позднее конца XVIII в., причем с официального разрешения⁷.

И только по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири, на имя которого поступали от кулундинских казахов многочисленные петиции, была поднята проблема необходимости учета интересов казахов-скотоводов в данном регионе, которая «не нарушала бы интереса Кабинета его Величества»⁸. Надо признать, что после изъятия десятиверстной полосы вдоль левого берега Иртыша социально-экономическое положение казахов обширной Семипалатинской области значительно ухудшилось. Участились случаи «джутов» (гибели скота от бескормицы). Так появилась новая категория безземельных казахов, некоторые из них вынуждены были принимать христианство. Значительные группы степняков нанимались на различные поленные и земледельческие работы к прииртышским русским казакам. А беднейшие из них прикочевывали к городам в качестве «джатаков» (бескотных), создавая так называемые киргизские слободки.

Генерал-губернатор предложил выгодный для Кабинета компромиссный выход из создавшейся ситуа-

¹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 3710.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 1 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 22. С. 1086.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

ции: по его мнению, казахов можно обязать платить ежегодно за право пользования заводскими землями в доход Кабинета оброк по 3 руб. с кибитки и дополнительно 1,5 руб., если трехрублевый оброк будет недостаточен.

В 1870 г. 779 казахских хозяйств открыто изъявили согласие платить в пользу заводов трехрублевый оброк, который должен был составить 2337 руб. Последовавшая за этим длительная бюрократическая переписка привела к тому, что Министерство финансов уступило Кабинету еще и половину кибиточного сбора, установленного 21 октября 1868 г. известным Положением об управлении степными областями⁹.

Действия, предпринимавшие кабинетскими властями, показывают, насколько казахи были ущемлены в правах по сравнению с переселенческим крестьянским населением. Более того, они оказались в худшем положении, чем их степные соплеменники, платившие кибиточную подать в размере только 3 руб.

Мы склонны согласиться с мнением известного казахстанского исследователя Н.В. Алексеенко, утверждавшего, что «полустолетняя история Алтайского горного округа с особой убедительностью раскрывает великодержавную политику царизма в отношении нерусских народов. Это не самодурство отдельных вельмож или чиновников, а укоренившаяся система. И ее инициатором и вдохновителем был самый крупный российский помещик – царь» [1, с. 20].

В начале 1870-х гг. в Алтайское горное правление снова начинают поступать различные жалобы крестьянского населения на казахов Кулундинской степи, в первую очередь – обвинения в конокрадстве и потраве пашен и пастбищ. Это обстоятельство заставило горные власти ускорить топографическую съемку свободной от крестьян Кулундинской, Карасукской, Узкой и Соляной степей, общая площадь которых составила 1530 тыс. дес., где и предполагалось разместить казахов «до времени окончательного разрешения этого вопроса»¹⁰.

Тогда же было принято решение, чтобы указанный участок пока не сдавать арендаторам. Видимо, горные власти не стали усугублять и без того обострившуюся земельную проблему в регионе.

В связи с этим уместно напомнить одну важную деталь: в то время, когда генерал-губернатор Западной Сибири предполагал, что быт этих казахов будет наконец-то налажен или обустроен, горнозаводское начальство продолжало, как и раньше, считать пребывание скотоводов совершенно вредным для заводов. В частности, в июле 1873 г. Кабинет пришел к двум заключениям, которые впоследствии имели для степняков самые негативные последствия: во-первых, кочующих номадов следовало оставить в такой местности Алтайского горного округа, где они не могли бы вредить не только оседлому крестьянскому населению, но и всему заводскому хозяйству. А такой местностью яв-

лялась обширная Кулундинская степь, неблагоприятная для занятия хлебопашеством. К тому же эта степь была относительно удалена как от крестьянского населения, так и от заводского хозяйства, за исключением 107 ревизских душ четырех вышеуказанных крестьянских деревень. Во-вторых, Кабинет сделал расчет, что если доход с одного хозяйства будет 4,5 руб., то с 2680 юрт можно будет собирать 12 064 руб. дохода в год¹¹.

Как видим, власти хотели решить две почти взаимоисключающие задачи: с одной стороны, не допустить казахов в районы проживания крестьян, а с другой – за счет этих же казахов получить дополнительную прибыль в пользу Кабинета. Тем самым значительно ухудшалось материальное положение степняков, что не могло не привести впоследствии к некоторому оттоку казахов из пределов Кулундинской степи.

Наконец, после долгих бюрократических переговоров различных ведомств, 22 октября 1880 г. последовали «высочайше утвержденные правила о дозволении киргизам кочевков на землях Алтайского горного округа», согласно которым казахам разрешалось кочевать только на землях Кулундинской степи. Причем их пребывание на этой территории жестко регламентировалось. Таким образом была заложена основа для создания специальной резервации для скотоводов-казахов¹².

Рассмотрим наиболее существенные моменты этих «Правил», что позволит понять колониальную сущность царизма не только на землях Алтайского горного округа, но и на всей территории Томской и сопредельной с ней Тобольской губернии.

Итак, Правила пребывания казахов на территории Кулундинской степи могут быть сведены к следующим основным пунктам:

1) «Киргизам, кочующим в пределах Алтая, в местностях, прилегающих к заводам около заводских боров и селений, дозволяется пребывание на одной Кулундинской степи...» На внутреннюю сторону в виде исключения была допущена только небольшая часть казахов косайдар-кипчакской волости, кочующих около оз. Топольное по правую сторону р. Бурлы, и казахи аульного старшины Безпакова с его аулом в числе 270 душ, которые кочевали по Бийской линии и которых вследствие «обнаруженной ими склонности к оседлой жизни» Кабинет признал возможным оставить на занимаемых ими местах за особую плату (по 40 коп. за десятину в год). При этом оговаривалось, «если к таковому оставлению не будет законных препятствий со стороны крестьян»¹³.

Власти попытались вытеснить всех казахов, кочующих на обширной территории Алтайского горного округа, Томской и Тобольской губерний в специально отмежеванный для них район, несколько напоминавший индейские резервации в США, рас-

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

¹² ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1884. Т. 55. С. 653.

¹³ Там же.

положенные, как правило, в малоплодородных районах страны [2, с. 20].

Кстати, территория Кулундинской степи по большому счету не была приспособлена для занятия земледельческим трудом, о чем поведали и сами землеустроители¹⁴.

Забегая немного вперед, следует отметить, что непростую задачу «собираия» всех казахов Томской губернии в Кулундинской степи решить все же не удалось¹⁵. Кабинетские власти не имели достаточного количества чиновников, да и Управление Западной Сибири особого рвения не проявляло. А прииртышские казаки открыто саботировали решения властных структур – они имели традиционные хозяйственные и культурные связи с казахами, многие из них носили казахскую одежду и знали казахский язык; немало было тех, кто находился с казахами в «тамырстве» (дружбе).

Кроме того, судьба двух групп казахов, которым было разрешено проживать вне Кулундинской степи, фактически была в руках крестьян-переселенцев из европейской части России – кто мог дать гарантию, что крестьяне не откажутся от пребывания своих соседей. Уже к концу XIX в., когда усилился поток прибывающих крестьян-переселенцев, наметилась тенденция насильственного вытеснения и этой группы казахов под любыми предлогами из районов проживания переселенческого крестьянского населения¹⁶.

2) «Оставление киргизов на Кулундинской степи имеет временный характер, если дальнейшее оставление там киргизов Кабинет его Величества признает неудобным, то он сообщает генерал-губернатору Западной Сибири о принятии соответствующих мер к постепенному и спокойному переведению кочевников в степную область. Срок для этого передвижения назначается по взаимному соглашению Кабинета с генерал-губернатором, смотря по числу предстоящих к выселению кибиток и по удобствам размещения их в ближайших степях»¹⁷.

В данном пункте нетрудно увидеть серьезную опасность для казахских хозяйств: ввиду угрозы в любое время быть выселенными трудно было возводить добротные дома, заниматься земледелием, строить мельницы, мечети, училища и т.д. Кроме того, здесь усматривалась и некоторая солидарность горных властей и генерал-губернатора Западной Сибири, несмотря на небольшую разницу в подходах к решению земельной проблемы номадов. Поэтому уместно привести мнение уже упомянутого нами Н.В. Алексеенко: «...Из многочисленного фактического материала видно, что, несмотря на различные оттенки в политике разных ведомств – Сибирского казачьего войска, Алтайского горного округа, Западносибирского гене-

рал-губернаторства – общее ее направление... было одинаково реакционным, эксплуататорским, национально-угнетательным» [1, с. 20]. С выводом известного исследователя трудно не согласиться, хотя нельзя не усмотреть в его словах прежний однобокий классовый подход советской историографии.

3) «За право пользования Кулундинской степью киргизы облагаются в пользу заводов трехрублевым сбором с кибитки, независимо от такого сбора в пользу государственного казначейства. Из общей суммы сего сбора (6 рублей) 4 рубля 50 копеек поступают в пользу Кабинета, а остальные 1 рубль 50 копеек – в пользу казначейства»¹⁸. Отсюда следует, что по сравнению со степными казахами кулундинские были вынуждены платить вдвое больше государственных податей, что не могло не усугубить их и без того нелегкое материальное положение.

4) «На отведенном участке предоставляется киргизам [право] заниматься скотоводством, хлебопашеством и другими отраслями сельской промышленности, без права передавать поземельные угодья в аренду лицам, не принадлежащим их обществу»¹⁹. Тем самым власти преследовали две главные цели: во-первых, ограничить доступ на указанную территорию как казахского степного населения, так и крестьянского. Во-вторых, исключить возможность субаренды со стороны богатых скотовладельцев, которые могли бы от имени своих обществ сдавать отдельные участки другим арендаторам, получая за это дополнительный доход, от чего пострадали бы их степные соплеменники.

Кроме того, «те из киргизов, которые обратятся в земледельцев и образуют из себя оседлые общества, облагаются оброком, наравне с бывшими приписными крестьянами, по 6 рублей с души»²⁰.

В связи с этим уместно будет заметить, что казахи не стремились к переходу на оседлый образ жизни: во-первых, они были противниками российского рекрутства с многолетней армейской службой, которое воспринималось ими как потеря их прежней свободы; во-вторых, степняки опасались насильственного обращения в христианскую веру. К тому же следует учитывать сильную агитацию со стороны богатых скотовладельцев, зачастую сопровождавшуюся открытым запугиванием и шантажом. Вряд ли в таких условиях степняки хотели образовать оседло-земледельческие общества, к тому же будучи неуверенными в том, что их могут оставить здесь на постоянной или хотя бы длительной основе. Но все же здесь намного раньше, чем в степных казахских волостях, создавались условия для последующего перевода казахов в сословие государственных крестьян.

5) «Киргизы могут пользоваться горнозаводским лесом, но не иначе, как по указам и под надзором местного начальства, в количестве, необходимом в их быту и с платою за строевой и свежерастущий дровяной лес

¹⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3330. Л. 15.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 156 об., 157.

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 4.

¹⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654–655.

¹⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

попенных и посаженных денег, а за валежник и прочее – четвертой части установленной платы. Кочевка в лесах запрещается»²¹.

Как известно, лес был одним из неотъемлемых атрибутов скотоводческой культуры, так как служил кочевникам идеальным укрытием от пурги и буранов [3, с. 15]. Поэтому игнорирование особенностей скотоводческого хозяйства только усугубляло и без того шаткое материальное положение казахов на территории Кулундинской степи и подрывало основы их хозяйства.

Однако непринятие перечисленных правил могло повлечь за собой немедленное выселение казахов [2, с. 345]. То есть за ними не оставили никакого выбора. В то же время они могли подвергнуться высылке как за нарушение установленных правил, так и в случае одностороннего решения горного правления о выселении казахов ввиду признания «невозможным дальнейшего оставления таких кочевников на занимаемом ими участке».

Что касается внутреннего порядка управления кулундинскими казахами и их административного и судебного подчинения, то они регламентировались Положением об управлении степными областями²². Создавался некоторый казус: они жили на территории одной административно-территориальной единицы, а подчинялись и платили часть налогов – другой.

Ввиду сложившихся специфических временно-обязательных отношений в столь специфичном районе, каковым являлись кабинетские земли, решение возникающих проблем возлагалось на генерал-губернатора Западной Сибири, «окончательное же разрешение сих дел в тех случаях, когда они не подходят под установленные правила, должно последовать по предварительному соглашению с Кабинетом его Величества»²³.

Итак, политика постоянных выселений казахов в 1850–1870-х гг. с земель Горного правления, Тобольской и Томской губерний сменилась в 1880 г. временным разрешением на их пребывание только в одной

малопродуктивной Кулундинской степи за шестирублевую плату в пользу Кабинета и государственного казначейства. Их пребывание на указанной территории регламентировалось целым рядом бюрократических предписаний, за нарушение которых они могли быть подвергнуты немедленной высылке. Правовая незащищенность казахов на этой территории проявлялась и в том, что они могли быть выселены и в случае принятия горным правлением в одностороннем порядке решения, продиктованного ведомственными или государственными интересами. А государственные интересы связывались с тем, что этот малонаселенный регион постепенно стал местом предпочтительного заселения крестьянским населением из европейской части России, что и доказали позднейшие события. Кулундинские казахи в 1880 г., как и верноподданные или станичные казахи в конце XVIII – первой половине XIX в., на территории Томской губернии не имели собственного управления. Политика перемещения всех казахов Тобольской и Томской губернии в Кулундинский район не увенчалась успехом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеевко Н.В.* Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1967. 49 с.
2. *Всемирная история. Национально-освободительные войны XIX века.* Минск; Москва: Харвест-Аст, 2000. 560 с.
3. *Герн В.К.* Характер и нравы казахов. Караганда, 1995. 38 с.

REFERENCES

1. *Alekseenko N.B.* Russians and Kazakhs of the Upper Irtysh region in the XVIII – early XX centuries: diss. thesis. Moscow, 1967, 49 p. (In Russ.)
2. *The world history. National liberation wars of the XIX century.* Minsk; Moscow: Kharvest-Ast, 2000, 560 p. (In Russ.)
3. *Gern B.K.* The nature and customs of Kazakhs (repr.). Karaganda, 1995, 38 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 09.09.2016

²¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 55. С. 654.

²² Там же.

²³ Там же.